

Николай Михайлович Голь

Жизнь замечательных слов, или Беллетризованная этимологическая малая энциклопедия (БЭМЭ)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68708886

Жизнь замечательных слов:

ISBN 978-5-6040763-3-0

Аннотация

Язык чутко реагирует на перемены, которые происходят во всех сферах жизни человека. Именно об этом пишет Николай Голь, петербургский поэт, драматург, переводчик, автор удивительных книг для детей и взрослых. «Жизнь замечательных слов, или Беллетризованная этимологическая малая энциклопедия (БЭМЭ)» – своеобразный лингвистический путеводитель, который не только помогает ориентироваться в вопросах языка, но и знакомит читателя с интересными фактами отечественной и мировой истории, литературы, искусства и даже кибернетики.

Для детей среднего и старшего школьного возраста, для их педагогов и родителей, а также для всех, у кого есть чувство юмора и кто интересуется историей русского языка.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Ни бэ, ни мэ (вместо предисловия)	6
Свои среди чужих, Чужие среди своих	11
Разнообразная чепуха	12
Новая молитва	18
Что такое шантрапа	22
Громко-тихо	28
Банки, склянки и другие морские слова	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Николай Голь

Жизнь замечательных слов

© Н. М. Голь, текст, 2020

© В. А. Березин, илл., 2020

© О. В. Горсунов, макет, 2020

© Фонд «Дом детской книги», 2020

Ни бэ, ни мэ (вместо предисловия)

Не надо долго заниматься проблемами языка и изысканиями в области лингвистики, рыться в словарях и справочниках, чтобы понять, что это означает. «Он ни бэ, ни мэ», – говорят о человеке, который ничего не смыслит в каком-нибудь вопросе. Это и ребёнку известно.

А вот для того, чтобы как следует постичь название «Беллетризованная Этимологическая Малая Энциклопедия» – сокращённо «БЭМЭ», – придётся немного посообразать.

Слово «беллетристика» по происхождению иностранное, состоящее из двух: *belles lettres*. В дословном переводе с французского они означают «изыщная словесность». Французы так именуют художественную прозу в отличие от поэзии и драматургии. У нас же оно довольно молодое – его ввёл в русский язык критик Виссарион Григорьевич Белинский, это случилось в сороковых годах XIX века. Виссарион Григорьевич придал слову несколько иное значение. Он противопоставлял беллетристику и беллетристов истинно, по его мнению, художественным созданиям и настоящим писателям; жанр не имел для него значения. По мнению Белинского, беллетристика – это, так сказать, литература второго сорта.

Со временем значение слова изменилось ещё раз. Теперь мы называем **беллетристкой** простые и общедоступные литературные произведения, а также книги о серьёзных и важных вещах, написанные в ясной и увлекательной форме. Так что «беллетризованная» – это не «второсортная», а

«увлекательная».

Вы, может быть, думаете, что мы просто чуть-чуть поговорили сейчас о беллетристике. На самом деле происходило нечто более серьёзное: мы занимались этимологией. **Этимология** – это раздел языкознания, исследующий происхождение слов и их родственные отношения друг с другом. Вот, например, греческое *etymon* (истина или основное значение) повстречалось с греческим же *logos* (учение, понятие), и что же получилось? Вот именно: получилась этимология.

У русского слова «малый» есть несколько значений. Бывает малая нужда. Бывает Малая Медведица. Бывает малая скорость. «Отец её был добрый малый», – сказал о главе семейства Лариных Александр Сергеевич Пушкин... Вообще-то, слово «малый» произошло от латинского *malus* – дурной. Но малая энциклопедия вовсе не дурная, а краткая, неполная, – конечно же, не обо всех на свете словах мы будем вести речь: это естественно и ничего дурного тут нет.

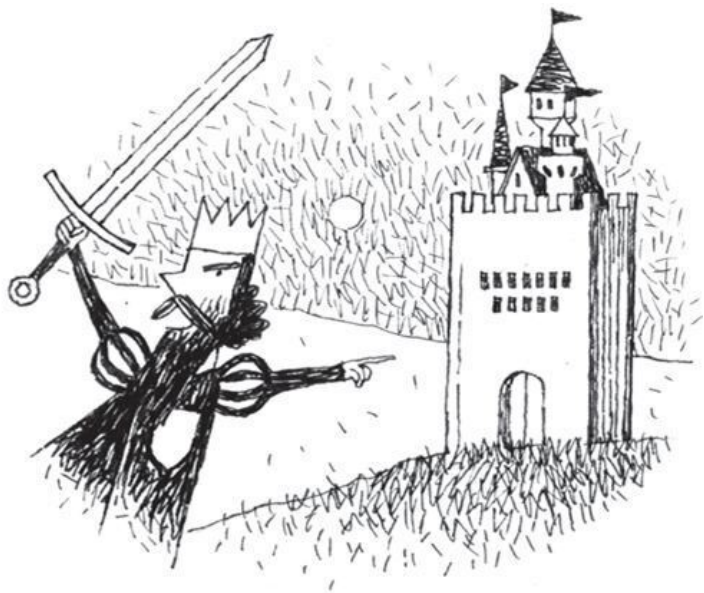
Энциклопедия (это слово греческое, означающее «круг знаний») родилась во Франции во второй половине XVI века. Этот тридцатитомный труд под названием «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» выходил в Париже в 1751–1780 годах. Его главным редактором был знаменитый философ-материалист Дени Дидро. Активно участвовали в издании лучшие французские мыслители: Жан-Жак Руссо, Франсуа-Мари Аруэ (Вольтер), Клод Адриан Гельвеций, Поль Анри Гольбах. «Энциклопедия» стала

первым действительно всеобъемлющим сводом знаний и передовой мысли. Кроме того, несмотря на цензуру, создатели «Энциклопедии» сумели выразить в ней своё отрицательное отношение к феодально-абсолютистскому обществу и царящей в нём идеологии.

Первое издание тридцатитомника разошлось невиданным тиражом – почти сорок тысяч экземпляров. Появились переиздания и переводы. Стали составлять и другие энциклопедии. А эту, первую, стали называть во Франции великой – чтобы путаницы не вышло. А в России других тогда не было – и до 1862 года Энциклопедия была именем собственным. Только с изданием «Технической энциклопедии» слово стало нарицательным существительным, как сейчас.

Итак, откроем БЭМЭ – Беллетризованную Этимологическую Малую Энциклопедию. На титул великой и полной не претендующую и политических целей не преследующую. Но пусть кто-нибудь попробует потом сказать, что в проблемах языка мы «ни бэ, ни мэ»!

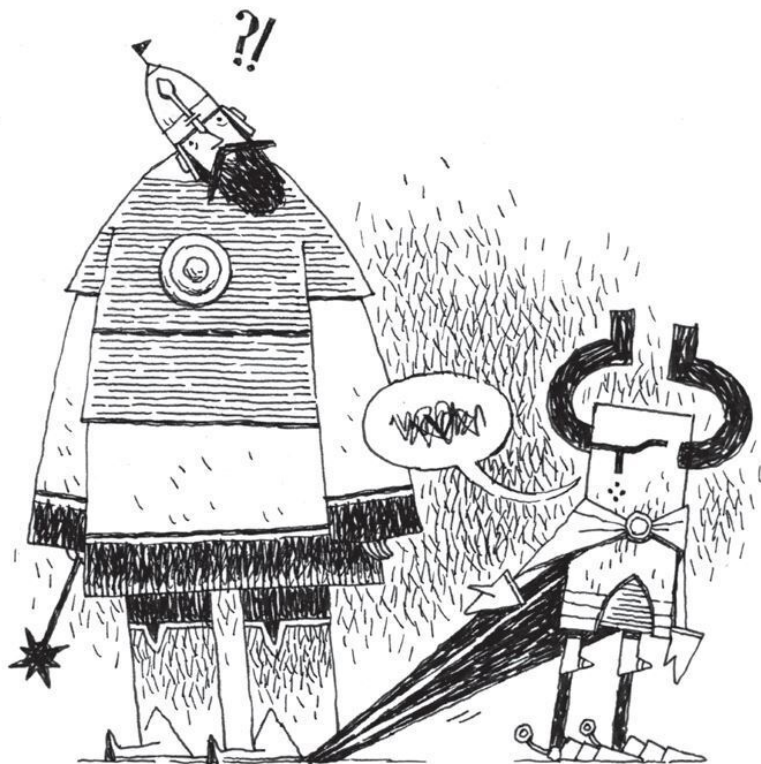
Поговорим о жизни замечательных слов. Ведь все на свете слова – замечательные!

Свои среди чужих, Чужие среди своих

Разнообразная чепуха

«Язык языку знак подаёт», – так давным-давно говорили люди на Руси. Это мудрые слова. Человек вообще очень мудрое существо. Животные, впрочем, тоже бывают умные.

Взять хотя бы слона... Только где его возьмёшь? Возьмём лучше собаку. Смотрит преданными глазами. Скажешь ей: «Сидеть!» – сидит. Скажешь: «Лежать!» – лежит. Может тапочки принести. Всё понимает. Понимает, но сказать не может. Нет у неё членораздельной речи.

А у человека есть. Способность произносить слова – одно из главных отличий человека от животного.

У каждого народа своё особенное наречие, собственный язык. Нам его даже вроде и учить не надо – он как-то сам незаметно выучивается. Вот – мама, вот – папа, вот – бабушка, а вот это – лампочка... Смотришь – к трём годам уже бойко лопочем. Общаемся. Знак друг другу подаём. А с чужими языками, конечно, сложнее.

Интересно, откуда они взялись, разные языки? Ведь любому понятно: дерево – это дерево, стол – это стол...

Вот что рассказывает древняя библейская легенда.

Когда-то у всех людей на земле был один язык – общее наречие. Собрались люди в долине Сеннаар и решили построить город.

– Обожжём кирпичи, – сказали они друг другу на общем языке, – и возведём из них дома и стены.

Так и сделали. И город стал называться Вавилоном.

А потом люди сказали друг другу на общем языке:

– Обожжём ещё кирпичей, да побольше, и построим из них башню до небес, до самого Бога. Будет она нам вечным памятником.

Богу это не понравилось. Ему показалось, что люди немного зазнались. Не человеческое это дело – строить башни до самого неба. И Бог решил проучить людей. Он дал каждому племени свой особенный язык, и люди перестали понимать друг друга.

– Подавай сюда кирпич! – кричит один. На своём языке. А другой думает (на своём языке): «Это он, верно, зовёт есть овечий сыр с пшеничной лепёшкой».

В общем, всё перепуталось и башня развалилась. И развеял Господь людей по всей земле...

Но если в Библии Вавилонская башня развалилась, то в жизни вышло иначе. Встречаются разные слова, сходятся... Настоящее **столпотворение**! Сейчас мы так называем толчею, скопище. А ведь «столпотворение» в первоначальном смысле – это создание столпа, башни.

Ложатся кирпичики разных наречий, крепко скрепляются держащим раствором родства – и кладка стоит прочно. Появляются всё новые и новые кирпичики, и башня языка растёт. Так что совсем чужих языков в наши дни, наверное, уже нет.

Плохо это или хорошо?

Это естественно. В старину, когда люди совсем мало знали про другие страны, настоящим наречием им казалось только своё, родное. А все остальные – какими-то бессмысленными звуками. Та пора оставила свой след в языке – ведь всё, что ни происходит, в нём отражается. Когда-то слово

немец означало не жителя Германии, а любого чужеземца. Немец – значит, немой. Конечно, он что-то там говорил, но понять-то его было нельзя! Так стоит ли обращать внимание?

Уж в этом-то нам не следует уподобляться далёким предкам!

Можно ли вообще представить себе «чистый» язык без всяких примесей? Такое предположение, говоря по-русски, просто **ерунда**. Впрочем, почему по-русски?

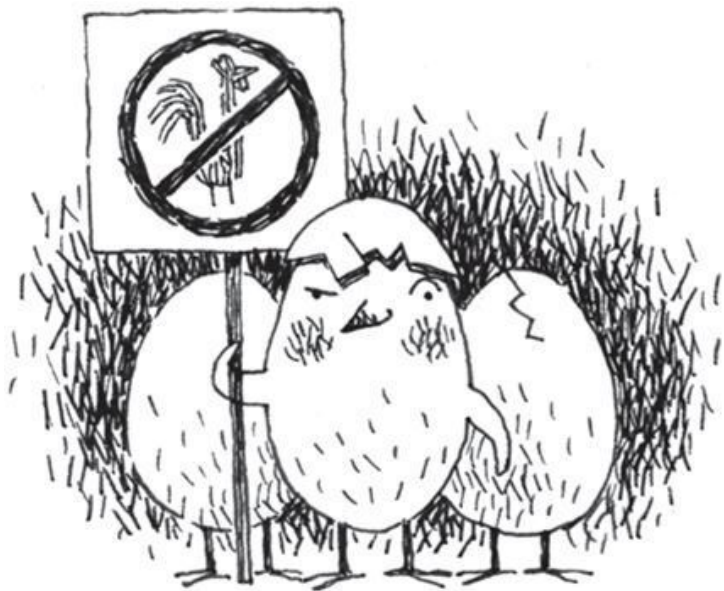
Это слово не такое уж старое. Родилось оно в церковных школах, семинариях. Там обязательно надо было учить латынь. А в латинском языке много разных форм глагола, одна из них называется «герундий». «Надоело! – жаловались, должно быть, друг другу нерадивые семинаристы, – всё герундий какой-то да герундий!» Так надоело им зубрить проклятую латынь, что герундий сначала приобрёл презрительную кличку «герунда», а потом слово «ерунда» прочно вошло в русский язык.

Так можно ли говорить о «чистом» языке? Это ахинея. Тоже, между прочим, словечко семинаристов, но имеющее отношение уже не к латинскому, а древнегреческому языку. «Афинеос» – «афинский»; афинская премудрость надоела ученикам. И назвали они её **ахинеей**, галиматьёй, по-нашему.

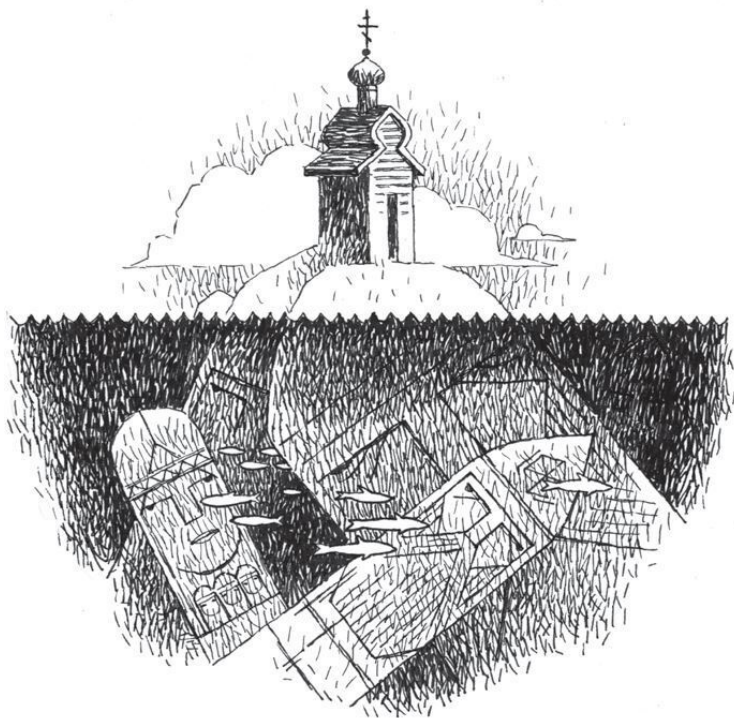
По-нашему, да не очень-то. Появилась галиматья в средневековой Франции. Но и французского, кстати, в ней ниче-

го нет. Не только значением, но и происхождением галиматъя сходна и с ерундой, и с ахинеей, она вообще – студенческая шутка. В университетах той эпохи обучение велось в основном на латинском языке. И греческий, язык философии, был в большой чести. У преподавателей, конечно. А средневековые студенты считали, что они уже всё знают и учат их какой-то глупости. Вот они, смеясь, и составили небывалую смесь из латинского слова «петух» и греческого «знание». Получилось – **галиматъя**, «петушьё знание», что-то вроде куриных мозгов. Одним словом, чепуха.

Разными путями входят новые слова в язык. Иногда, как мы видим, просто от ученической лени.

Новая молитва

Есть замечательное слово, русское-прерусское: **куролесить** – озорничать, буяннить, делать что-то не так, как надо. Можно даже попробовать догадаться, откуда слово это пошло: ну, скажем, совершила курица что-нибудь несурраз-

ное, в лес убежала, например. Куролесит, значит.

Такими изысканиями заниматься интересно, но довольно опасно: можно попасть впросак и, пойдя по неверному пути, заблудиться, как та самая курица в лесу. Лучше разберёмся, что было на самом деле.

До самого конца X века люди на Руси были язычниками. Перун, Стрибог, Хорс, Макошь одаривали их удачей, защищали от бед и несчастий – если, конечно, вовремя принести жертву к подножью деревянных и каменных изваяний, идолов.

Но к 985 году киевский князь Владимир, наслышанный о других религиях, решил изменить свою. Много богов – хорошо, но один всё-таки лучше, так он подумал. Наверное, одному и жертв требуется меньше, и договориться с ним проще, и у большинства соседей так, да и князь ведь тоже один...

Прослышав о сомнениях Владимира, в Киев потянулись проповедники – всем хотелось иметь такого сильного владыку в единоверцах. Об этом рассказано в старинной русской летописи – «Повести временных лет».

Первыми перед Владимиром предстали приверженцы мусульманства и стали хвалить Аллаха и пророка его Магомета, объяснять предначертанные ими законы. Владимиру кое-что понравилось – например, многожёнство. А вот запрет на вино...

– На Руси есть веселье пить, не можем без этого жить, –

ответил князь, названный позже Красным Солнышком, мусульманам и отослал их восвояси.

Потом пришли хазары. Они были иудеями. Владимир внимательно выслушал их рассказы о могущественном боге Яхве, а потом спросил:

– Где же земля ваша, иудеи?

– Бог разгневался на отцов наших, – молвили послы, – и рассеял нас по разным странам.

– Так что же вы, – недобро рассмеялся князь Владимир, – иных учите? Или и мне участь, подобную вашей, готовите?

Ушли иудеи ни с чем. Следом явились посланцы Рима. Но их тоже ждала неудача. Не понравилось князю, что глава их церкви, папа римский, стоит превыше земных владык.

Наконец, из Греции прибыли христиане. Их рассказы пришлись князю по душе. Он приказал своим подданным принять крещение. И сам окрестился. Всё прошло довольно мирно. Погиб только Перун, то есть его идол: был утоплен в Днепре.

Приглашённые священнослужители съехались из Афин и других греческих городов. Построили храмы. Стали проводить службы. На греческом, конечно, языке. Русского-то они не знали!

Зайдёт в церковь простой хлебопашец и слышит:

– Куриэ элеисон! Куриэ элеисон!

Что ему прикажете думать? Куриэ элеисон! Несусветица какая-то! Ничего не поймёшь, дурят голову, да ещё хором!

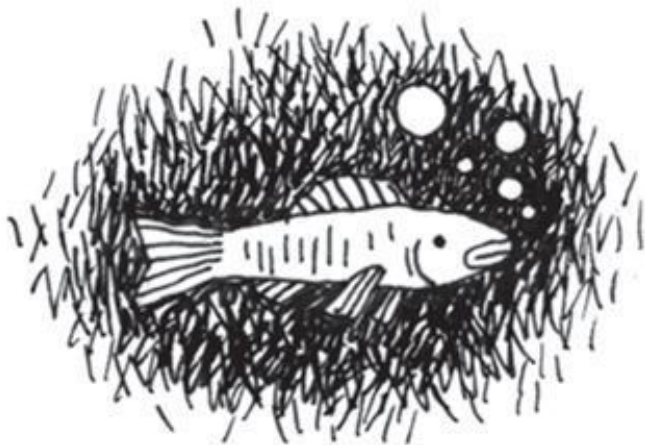
Спросят потом хлебопашца домашние:

– Что там в церкви было-то?

– Да кто его знает! Что-то такое пели... Дай Бог памяти...

Куролесили, вот!

А пели в храме «Господи, помилуй!» – по-гречески, конечно.

Что такое шантрапа

В 1479 году великий князь московский Иван III основал хор государевых певчих дьяков. Именно хор, а не какой-нибудь другой ансамбль, потому что православная церковная служба не позволяла использовать никакие музыкальные инструменты кроме одного – человеческого голоса.

Но не только в церкви – и во дворце, при всяких торжественных случаях были певчие. Отбирали в государев хор самых одарённых – не только музыкально, но и по уму, и по способностям. Обучали грамоте, наукам. И нередко потом певчие выполняли разного рода поручения, даже дипломатические.

Русские цари любили свой хор. Вот свидетельство из эпохи Ивана Грозного (он приходился внуком основателю хора): «Благочестивый государь всенощное бдение слушал, сам же пел на заутрени и литургии».

А вот – из эпохи Петра I, переведшего государев хор из Москвы в Санкт-Петербург, запись 1720 года: «В 16 день октября его величество играли в бирюльки и пели со своими певчими концерты».

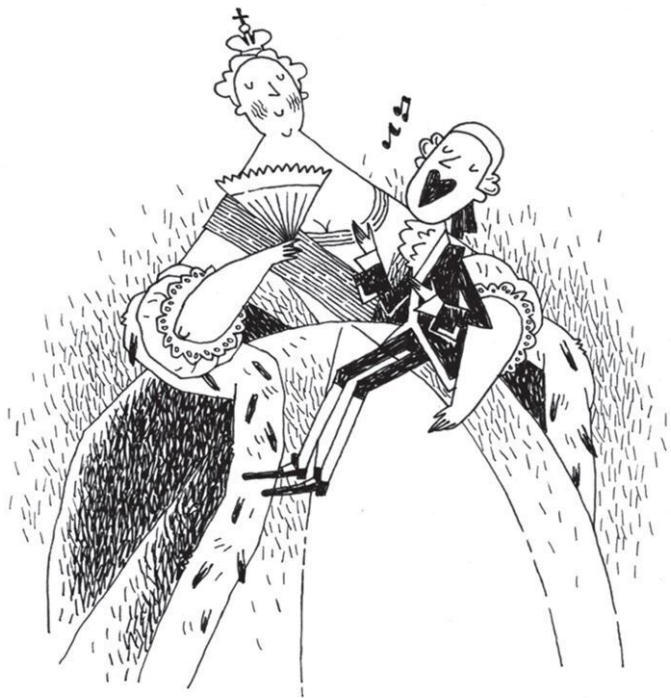
Вскоре хор поменял название и стал именоваться Придворной певческой капеллой. Пение в ней звучало не только церковное, но и светское. При императрице Анне Иоанновне на концерты капеллы уже собиралась великосветская публи-

ка. Откроем газету «Санкт-Петербургские ведомости» того времени и прочтём: «Несравненный хор, из пятидесяти выбранных дворцовых певчих состоящий, производил немалое в зрителях удивление. Так, по окончании сего великолепного действия зрители все как в ложах, так и в партере равномерно многократным биением в ладоши свою апробацию изъявляли». Аплодировали, значит.

Члены августейшей фамилии любили и ценили певчих. Примером тому – судьба Алексея Григорьевича Разумовского (при рождении – Розум). В раннем детстве был он подпаском, потом дорос до должности пастуха. Местный дьячок из близлежащего села Чемер заинтересовался сообразительным мальчиком и стал учить его читать. Отцу Алексея это очень не нравилось – зачем время зря тратить, к чему пастуху науки? – и он запрещал сыну заниматься, а заслушание порол немилосердно. Тогда Алёша стал ходить учиться тайком. Однажды, увидев его за книгой, пьяный Розум схватил топор; мальчик – бежать; отец – за ним... По счастью, сын оказался проворнее. Но с той поры домой он больше не возвращался, а поселился у сердобольного дьячка; к грамоте прибавилось обучение церковному пению.

В начале 1731 года через Чемер проезжал полковник Фёдор Степанович Вишневецкий, возвращавшийся из Польши, куда ездил по поручению императрицы Анны Иоанновны. Случайно увидев Алёшу Розума, полковник был так поражён его внешностью (а юноша был чрезвычайно красив) и

голосом (голос был поразительный), что уговорил дьячка отпустить воспитанника в столицу. Там обер-гофмаршал Рейнгольд Левенвольде зачислил Алексея в штат Придворной капеллы. На певчего обратила внимание Елизавета Петровна, дочь Петра I, и скоро он стал её фаворитом. Когда с возрастом голос у Розума пропал, специально для него была учреждена должность придворного бандуриста. После дворцового переворота 1741 года и восшествия Елизаветы на престол бандурист становится Алексеем Григорьевичем Разумовским, камергером, графом, обер-егермейстером; в 1742 году вступает с императрицей в тайный брак и теперь он – главный человек при дворе.

Елизавета Петровна называла Разумовского в письмах «другом нелицемерным». По наблюдению современника, каждый мог быть уверен в достижении желаемого, если Разумовский замолвил слово перед государыней.

Надо сказать, что влиянием своим пользовался он при этом с достаточной деликатностью. Не сделался ни чванлив, ни заносчив, как это часто случается с фаворитами. Был

прост в обращении, не вмешивался в дела правления, не забывал своих благодетелей: полковник Вишнеvский вырос на два чина, а чемерский дьячок был вызван в Петербург и назначен смотрителем одного из дворцовых садов.

Получив звание генерал-майора, Разумовский воскликнул:

– Государыня, ты можешь называть меня хоть фельдмаршалом, но никогда не сделаешь из меня даже порядочного адъютанта. Смех да и только!

Кстати, через несколько лет он получил и фельдмаршальский жезл.

Умирая, Елизавета Петровна взяла с наследников обещание не обижать Разумовского, что и было исполнено: бывший фаворит, уйдя в отставку, поселился в подаренном ему Аничковом дворце. Екатерина II оказывала ему всяческое уважение, которого он и был по-человечески достоин: по многим свидетельствам он всю свою жизнь «чуждался гордости, ненавидел коварство и, не имея никакого образования, но одарённый от природы умом основательным, был ласков, снисходителен, приветлив в обращении с младшими, любил представлять за несчастных и пользовался общей любовью». Одним словом, приличный был человек, не шантрапа.

Обожая музыку и не забывая прошлого, Алексей Григорьевич завёл собственный хор певчих. Благодаря ему такие певческие коллективы стали модными. Многие вельмо-

жи стали устраивать их в своих домах, а помещики – в усадьбах. Отбирая туда крепостных детей. Впрочем, отбирали не они, а специально приглашённые хормейстеры. В основном это были приезжие французы.

Когда на прослушивание приходили способные мальчики, хормейстер, какой-нибудь мсье Трике, зачислял их в хор. А когда попадались тугоухие и безголосые, говорил:

– Нет, этот не запоёт!

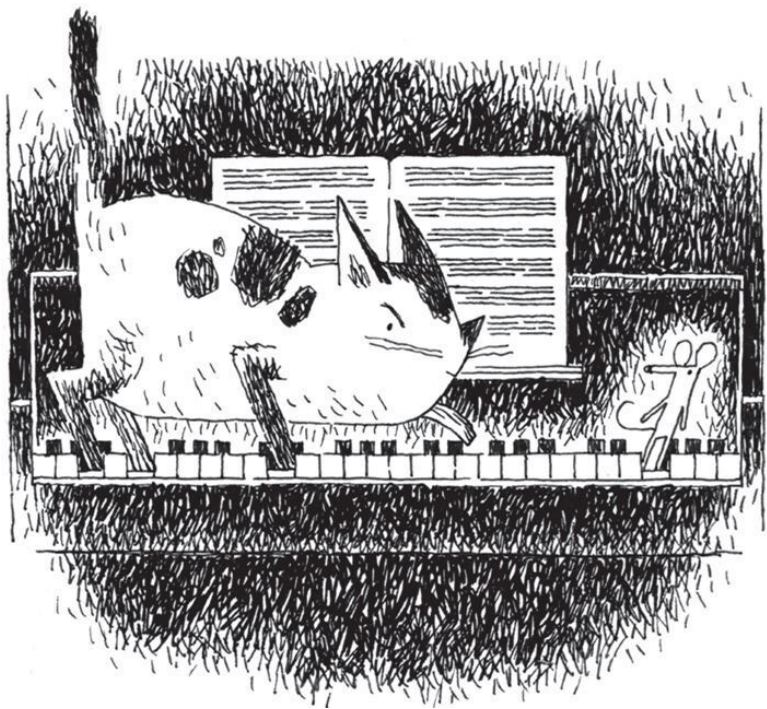
Да, да, он говорил:

– Chantera pas! (Шантра па!).

И слово прижилось в русском языке, многократно расширив своё значение. Что такое **шантрапа**? Пустые, никчёмные, ни на что не способные, никуда не годные люди.

Громко-тихо

Раз уж мы завели разговор о музыке, продолжим его. Речь пойдёт о струнных музыкальных инструментах. История их уходит в глубокую древность. Первой, вероятнее всего, появилась арфа. Её изображения на камне, датированные пятым тысячелетием до нашей эры, находят при раскопках поселе-

ний Древнего Египта. Позже в древней Греции появились кифары – лиры. На Руси – гусли. Потом возникли струнные смычковые. Потом – струнные ударные. Потом – струнные клавишные. Их история началась ещё в XIII веке с клавикордов. Первоначально это был небольшой прямоугольный ящичек, из которого наружу выходили деревянные клавиши; когда на них нажимали, небольшой шпинёк вроде гвоздя ударял внутри по струнам. Играли на клавикордах двумя пальцами.

Позже изобрели спинет. При нажиме на клавишу воронье перо, укреплённое на проволочке, зацепляло струну и вызывало звук. Со временем спинет вырос и превратился в клавесин. Это был очень распространённый инструмент, на нём исполнялась самая разнообразная музыка. Но и на клавикордах, и на клавесине силу и громкость звука было регулировать очень трудно.

Наконец, в 1709 году итальянский мастер Бартоломео Кристофори, хранитель музея музыкальных инструментов князя Фердинанда Медичи во Флоренции, создал новую музыкальную машину. В ней молоточки, обтянутые лосиной кожей, при нажатии на клавиши один за другим ударяли по натянутым струнам разной длины и толщины; под ними располагалась резонансная дека – тонкая еловая доска, усиливающая звучание струн. Две специальные педали управляли продолжительностью и силой звука. Теперь можно было получать как громкие, так и тихие звуки с постепенным пере-

ходом от одних к другим. Поэтому Бартоломео Кристофори назвал свой инструмент «громко-тихо».

Развитие музыки к этому времени достигло такого уровня, что изобретение «громко-тихо» стало жизненно необходимо. Практически одновременно с итальянцем и совершенно независимо от него свои варианты инструмента представили француз Жан Мариус и дрезденский преподаватель музыки Кристоф Готлиб Шретер.

«Громко-тихо» показали Иоганну Себастьяну Баху и Вольфгангу Амадею Моцарту. Они высоко оценили качества инструмента. Когда же в 1767 году в Лондоне с публичной демонстрацией новинки выступил Иоганн Кристиан Бах, сын великого композитора, изобретение оценили почти во всей Европе. Новые инструменты вошли в моду, их стали изготавливать и усовершенствовать в Германии и Англии, и только в Италии по иронии судьбы о создании Бартоломео Кристофори как-то на время забыли. Не прижилось там фортепиано. Да, да, **фортепиано**. Именно так назывался сделанный им инструмент: *forte* – «громко» и *piano* – «тихо».

Фортепиано завоевало мир. В России оно появилось в 1771 году и быстро стало чуть ли не предметом первой необходимости. Одно из объявлений в «Санкт-Петербургских ведомостях» за 1774 год гласило: «На Невской перспективе, неподалеку от Аничкова моста, продаётся бочками голштинское масло и два английских фортепиано».

К началу нашего века в одном только Петербурге было

двенадцать больших и маленьких фортепианных фабрик.

Каких только разновидностей фортепиано не производили в мире! В 1795 году венский мастер Карл Леопольд Релинг представил публике маленькое, размером чуть больше гитары – для музицирования на прогулках и исполнения серенад. Только звук у него был очень слабый.

Фортепиано делали в форме обеденных и письменных столов; специально для композитора Рихарда Вагнера инструмент построили в виде бюро с конторкой для работы; фирма «Оффенбахер и ККК°» рекламировала фортепиано «с эффектами арфы и мандолины, 750–850 руб., прейскурант бесплатно». А фортепиано крыловидной формы получило название **рояль**, что по-французски означает «королевский».

А справедливость по отношению к Бартоломео Кристофори всё-таки восторжествовала: в 1876 году на родине изобретателя, в Падуе, благодарные музыканты воздвигли ему памятник.

Банки, склянки и другие морские слова

В былые времена новые слова приходили пешком, приезжали на лошадях, приплывали на кораблях... Да, да, и на кораблях тоже приплывали гости-слова! Некоторые из них так и остались гостями: галс и шкот, лоцман и флагшток... Да мало ли их, в которых сразу узнаёшь чужеземцев! Что ж тут такого? Другие заморские гости, общаясь с хозяевами,

входили в их круг, меняя иностранный облик на местный. И это, в общем-то, правильно: со своим уставом не лезь в чужой монастырь.

До сих пор есть на флоте такое выражение: «бить склянки», то есть отмерять время. Одна **склянка** – полчаса. Но никаких склянок, никакой стеклянной посуды при этом не бьют! Произошли склянки от английского *clang* – звон, резкий металлический звук. Потому что, когда бьют склянки, то бьют в рынду. А **рында**, между прочим, по-русски – телохранитель московского князя. Но, когда бьют склянки, телохранителя московского князя вовсе не колотят, можете не беспокоиться. Это было бы уже слишком, тем более для гостей. Просто, отбивая склянки, английские моряки привыкли *ring the bell* – бить в колокол. Моряки русские у них этот обычай переняли. А чтобы язык зря не ломать, придали одному слово удобное и понятное для себя звучание, а всё остальное сократили.

Вот что-то непонятное английский шкипер кричит, наверное приказывает, а матрос-англичанин ему так же непонятно отвечает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.